

355.1

0-54

А.ОЛИЙНИК

ПАМЯТНИК в Кабуле

ВОИНАМ

کابل ۱۹۷۹

۱۹۷۹ کابل

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТАМ

355.1

0-54

3211(АФГ)

А.ОЛИЙНИК
ПАМЯТНИК
в Кабуле

а-139345

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1988

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА ИМ. КРУПСКОЙ

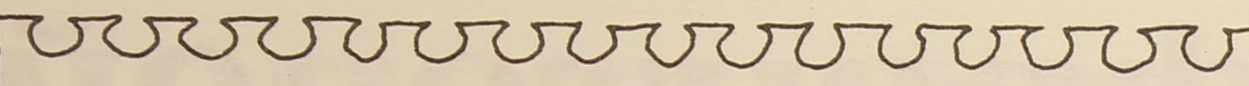
Мужество

Разговор этот состоялся однажды на коротке, но крепко врезался в память. Мы с Героем Советского Союза майором Русланом Аушевым нахвдились в блиндаже сторожевого поста, расположенного на перевале Саланг. Только что закончился обстрел поста душманами. Аушев принимал по-военному сжатые доклады о результатах боя, раненых... И думал, наверное, о том же, что и я. На истерзанных пулями и осколками афганских высотах, при защите мирных кишлаков, охране грузов с хлебом проявились лучшие черты наших молодых современников, солдат и офицеров. Смелость, высокая идейная закалка, глубокое чувство пролетарского интернационализма.

Откуда эти качества у ребят, родившихся, когда страна отмечала двадцатую годовщину Победы в Великой Отечественной войне? Вот

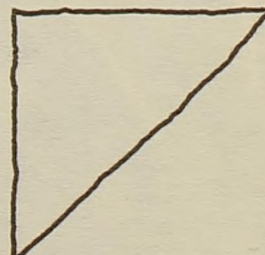
фронтОВОЙ прОбы

тогда Аушев, сам человек большого мужества и храбрости, сказал, словно отвечая на мой немой вопрос:

— Спросишь порой любого солдата: «Трудно?» Шевельнет устало обветренными губами: «Нормально! Выдюжим! На фронте нашим дедам было труднее...» И не надо уточнять, по какой шкале измеряет солдат службу на афганской земле, по кому проверяет характер, волю. Без оговорок скажу: мужество нашего воина фронтовой пробы, его доблесть достойна подвига фронтовиков, освободивших человечество от фашизма...

Горячий снег Саланга

Нет горя чужого для русских сердец,
У нас не такие истоки!
Об этом в Европе поведал отец,
И ты подтвердил на Востоке.

Виктор Глебов

Скалы, скалы, скалы... Прерывистый свист обжигающего афганца *, низкое, свинцового цвета небо, и, сколько видят глаза, — ни души, ни кустика, ни деревца. Это горы. Афганский Гиндукуш. В древности путникам говорили: кто решится покорить эти отшлифованные ветром граненные пики — путь того будет заведомо трагичен...

Обледенелая, со снежными заносами дорога уходила все выше в скалы. Словно faraоновы гробницы, вздымались в безмолвном величии вершины ледников. Из темных трещин и каньонов тянулись пряди тумана, застилая окрестности дымовой завесой. Врубленная в скалы дорога то исчезала среди острых обледенелых обломков и колючего кустарника, то нависала над обрывом. Жаром дышали двигатели боевых машин десанта, артиллерийских тягачей. Капитан Леонид Хабаров вел десантно-штурмовой батальон с приданными подразделениями на перевал Саланг. В точку, на которую нацеливалось острие красной стрелы, определяющей на командирских картах направ-

---

* Афганец — так называют на Востоке пыльные бури, вызванные сильным ветром.

ление главного прохода. Приказ гласил: «Совершить рейд по маршруту... упредить душманов в захвате перевала Саланг и удерживать его до подхода основных сил».

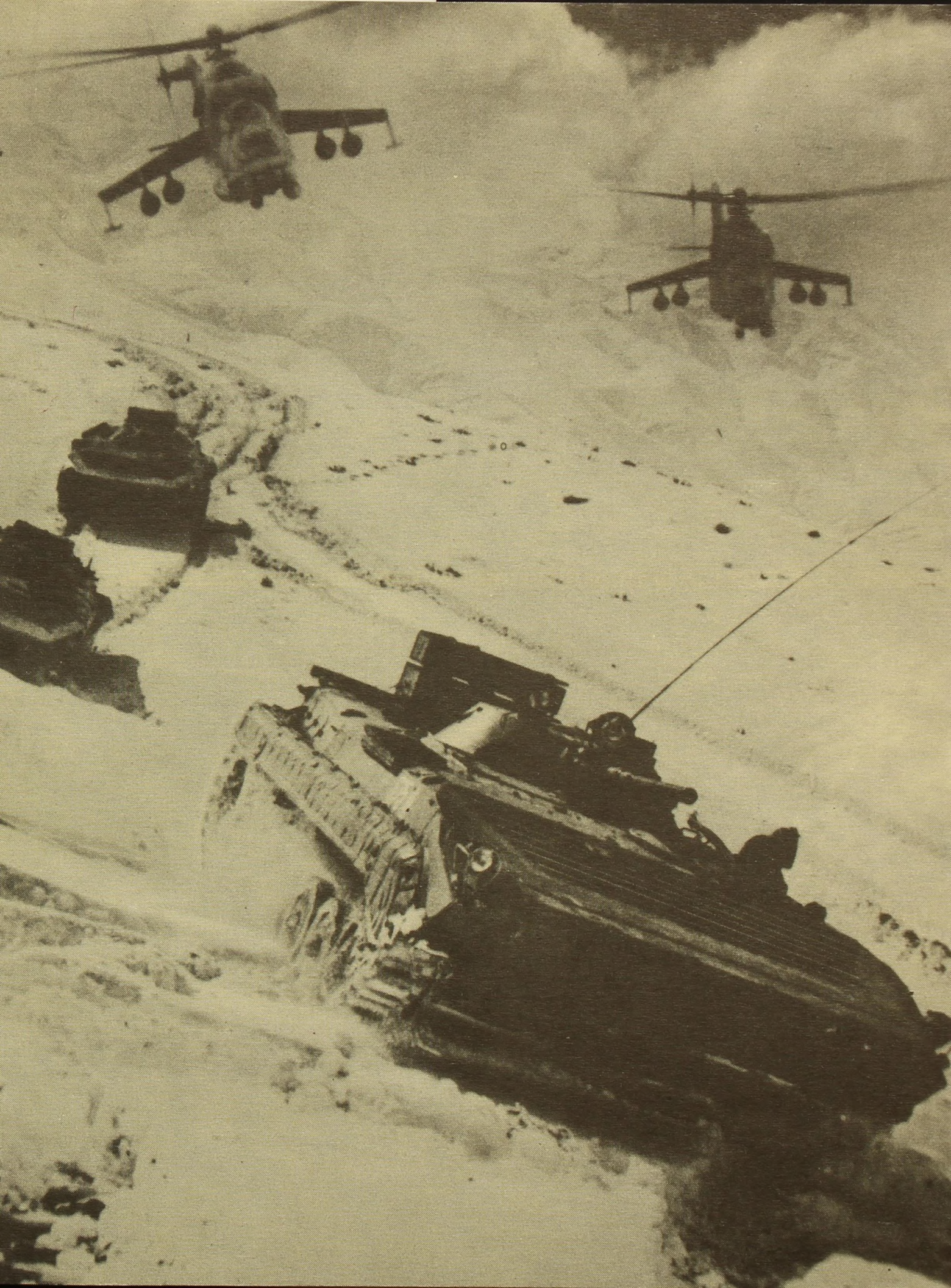
Заоблачный рейд был тяжел и опасен: перевал давно считался закрытым, серое декабрьское небо грозило дождем и снегом. И только взрывами, тараном гусениц, а где просто ломами и лопатами быстро разбирались завалы, и батальон пробивался вперед. Расстояние измерялось не метрами и секундами, а ожиданием первых выстрелов: по данным разведки, банды душманов, проникшие из Пакистана, планировали заблокировать автомобильный туннель на перевале Саланг, уничтожить колонны с мирными грузами.

Густым мраком затопило ущелье, когда Хабаров подал по радио команду: «Стой!» Это был первый привал десантников за последние сутки, если не считать тех кратковременных остановок, когда движение колонны приостанавливалось по сигналам боевого разведдозора: на марше десантники держали себя в готовности к любым неожиданностям. Настороже были они и сейчас. На господствующие высоты вокруг ущелья, где расположились воины, были высланы посты боевого охранения.

— Вымотались люди, — озабоченно сказал заместитель командира батальона по политической части старший лейтенант Леонид Путятин, едва закрыв за собой дверцу штабной машины. — Надо что-то делать.

Офицеры штаба батальона решили пойти в роты. Хабаров выбрал десантников, которыми командовал лейтенант Николай Кротов. На протяжении всего марша взвод шел впереди, и от него зависело многое...

Десантники, не снимая снаряжения и ранцев, скупились вокруг машины. Кто обогревался теплом неостывших моторов, кто дымил сигаретами, пряча их в рукава. Большинство наскоро добивали остатки галет — личный

НЗ *. Молчали. А кто и переговаривался с соседом полупшепотом, будто боясь обнаружить себя в этой настораживающей темноте отрогов Гиндукуша.

Комбат не спеша шел вдоль застывшей колонны, прислушиваясь к неясным голосам. Тяжелый запах выхлопных газов был замешен на солоноватом привкусе иссушенных морозом и ветром кровоточащих губ. Случалось, проваливался в снег по грудь, и тогда на выручку приходили солдаты. Капитан с минуту отлеживался на снегу, тяжело дыша, затем рывком вскакивал и, очищая на ходу автомат от снега, шел дальше, подставляя ветру разгоряченное лицо. Его лоб был усыпан мелкими росинками пота, замерзшая щетина усов курилась на морозе. В эту минуту его лицо с орлиным профилем, казалось, принадлежало не волевому комбату Хабарову, а сильно уставшему человеку с глубоко запавшими от бессонницы глазницами, со взглядом то ли спокойных, то ли отрешенных глаз — в них тоже была усталость.

Хабарова больше всего беспокоили люди: выдержат ли они трудное испытание? Накануне ввода войск в Афганистан их батальон пополнился новобранцами. Подстрижены под машинку, в новеньком полевом обмундировании, в воротах кителей которых утопали длинные шеи — они все казались на одно лицо. «Стригунки» — про себя ласково называл их Хабаров. Ему почему-то вспомнился сейчас тот ясный осенний день, когда молодое пополнение принимало военную присягу. Ритуал этот всегда проводится в войсках торжественно, приподнято. Звучат военные марши, блестят офицерские парадные погоны, взволнованно-торжественны лица солдат. Нет-нет да и скосит кто-нибудь из новобранцев глаза на крылышки голубых погон. Ясно, гордится, что стал полноправным членом крылатой пехоты.

В тот день Хабаров с особым вниманием, пристально

---

* НЗ — неприкосновенный запас.

всматривался в юные лица «стригунков», выстроившихся на плацу. Каждый с оружием в руках выходил из строя, становился лицом к товарищам, и над плацем звучали слова военной присяги:

«...Я всегда готов по приказу Советского правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик, и, как воин Вооруженных Сил СССР, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами...»

Комбат задержал взгляд на братьях-близнецах Анатолии и Владимире Никитиновых, бывших рабочих Тушинского машиностроительного завода. Их трудно было различить, так похожи были внешностью, ростом, даже походкой. Хабаров тогда уже знал: вот с такими, как братья Никитиновы, совсем еще юными безусыми парнями, ему очень скоро предстоят трудные испытания, возможно, придется идти в бой...

«Выдержат ли?» — в который раз подумал Хабаров, шагая вдоль колонны. Ведь только сегодня для десантников началась по-настоящему суровая военная жизнь. И сейчас, на этом марш-броске в горах Гиндукуша, они почувствовали ее первое беспощадное дыхание. А впереди будет еще тяжелее. Это он знал точно. Данные разведки сомнений не вызывали: впереди будет бой.

В стороне, у скалы, Хабаров увидел одинокую фигуру. Подойдя ближе, узнал рядового Владимира Никитинова. Тот неотрывно смотрел в сторону перевала, откуда порывистый ветер доносил студеное дыхание ледников. Ремень автомата сползал с плеча, и он время от времени терпеливо поправлял его. О чем думает парень в этот трудный час, прижавшись к холодной скале? Может быть, душу сковывает ледок страха?

— Как чувствуете себя, Владимир? — тронул за локоть солдата офицер. — А где брательник?

— Все в порядке, товарищ капитан, — тихо ответил

тот. — Анатолий возится с машиной, помогает механику-водителю.

— Значит, перед боем сердце замирает?..

Солдат спокойно пояснил:

— Родных вспомнил...

Взгляд Хабарова потеплел. «А ты не из робкого десятка, парень, — отметил про себя, — умеешь держать себя в руках».

Мог ли он знать тогда, что одной из первых боевых потерь в батальоне станет гибель на Саланге Владимира Никитинова и после службы в родной цех завода вернется один Анатолий с орденом Красной Звезды на груди.

Беседуя сейчас с солдатами, Хабаров припомнил один из нелегких дней своей срочной службы в воздушно-десантных войсках. Шли тактические учения с десантированием личного состава в тыл условного противника. Его парашют был почти у самой земли, когда внезапно налетел шквалистый ветер. Гвардии сержант Хабаров опасность скорее почувствовал, чем увидел глазами: на площадке со скоростью курьерского поезда ветер носил купола парашютов с людьми, которые только приземлились. Десантники хорошо знают: попавшему в такое положение травмы не миновать.

Леонид развернул купол по ветру, чтобы встретить склон ногами. Не повезло. Сильный порыв бросил его спиной на валуны, потом метров пятьдесят тащил волоком по земле, как лодку под парусом на хорошей волне, пока купол не нагнал командирский «газик». Леонид был без сознания. Когда очнулся в санитарной машине, первым его вопросом было:

— Доктор, я буду прыгать?!

— Голубчик, на вашем месте я бы спросил: «Буду ли я ходить?» — сокрушался врач. — С позвоночником шутки плохи.

а 139345

Как приговор прозвучали слова командира полка, навестившего Хабарова в госпитале:

— Жаль, но прыгать с парашютом больше не придется. Встанете на ноги — и домой. Видать, не судьба...

Рано поседевший подполковник говорил, возможно, жестко — он знал, что Хабаров мечтал стать офицером-десантником, совсем недавно подписывал его рапорт в военное училище, — но он говорил правду — с поврежденным позвоночником не место в крылатой пехоте. Теперь Хабаров знает, что именно эти откровенно разящие сердце командирские слова и потрясли его, и разбудили неиспытанную доселе жажду борьбы за мечту — поступить в военное училище, стать офицером-десантником и продолжить семейную традицию.

Хабаровы — фамилия в Сибири известная. Кто знает, возможно, сам легендарный русский землепроходец Ерофей Хабаров, отличавшийся бесстрашием и казацкой удалью, был зачинателем рода Хабаровых. Леонид хорошо помнил рассказы деда, тоже Леонида, красного командира, командовавшего в гражданскую на Дальнем Востоке полком. Не раз держал в руке дедовский «георгий», полученный им за храбрость в первую мировую.

Отец у Леонида тоже был военным. В Великую Отечественную водил в атаки батальон, затем полк. Об отцовской храбрости красноречиво говорили награды — ордена Красного Знамени, Красной Звезды, две медали «За боевые заслуги».

Слово «храбрость» Леонид считал неотъемлемой частью своей фамилии и гордился ею. Еще в школе записался в аэроклуб ДОСААФ, изучал парашютное дело. Когда пришло время идти в армию, он попросился в воздушно-десантные войска. А прослужив два года срочной, решил стать офицером-десантником. И вот тот роковой прыжок.

...Военные медики, обследовав потерпевшего, авторитетно заявили: как минимум три месяца постельного режима.

Хабаров оказался человеком маресьевской закалки — встал на ноги через два месяца. Силы восстанавливал усилием воли. Упорно, преодолевая боль в позвоночнике, тренировал тело, часами занимался на снарядах.

Пришло время, и Хабаров уехал сдавать экзамены в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище имени Ленинского комсомола. Члены приемной комиссии не верили своим глазам: несмотря на травму позвоночника, кряжистый сержант с десантными эмблемами на петлицах успешно прошел строгую медкомиссию, а в экзаменационном листе в графе «Физическая подготовка» стояли одни пятерки — на «отлично» выполнил все упражнения. И совсем удивил всех, сделав на перекладине 250 раз подъем переворотом. 250 раз!

Лейтенантские звездочки на погонах стали для Хабарова первой наградой за настойчивость и волю. А через месяц после первого офицерского отпуска он принял разведзвод.

— ...Люди отдыхают, больных нет. — Доклад командира взвода лейтенанта Кротова отвлек Хабарова от наплывших воспоминаний. Николай кашлянул в кулак и с надеждой в голосе уточнил: — Пока нет, но устали многие, особенно механики-водители. Не мешало бы перевести дух от этого заоблачного марафона.

Комбат понимал озабоченность лейтенанта: дать людям отдохнуть в каньоне, а на рассвете продолжить рейд. Об этом он и сам уже думал. Случись, кто занеможет — беды не миновать. Но он помнил и о том, с каким нетерпением ждут его радиограмму с перевала на командном пункте. Понимал он и то, что счет теперь идет метрам и

часам и задача в том, чтобы опередить их. Закон внезапности суров: упредил врага — победил врага.

В тесной штабной машине он собрал накоротке офицеров, чтобы посоветоваться: идти ночью на перевал или ждать рассвета.

— Прошу высказывать свои предложения, — сказал он, оглядывая опаленные ветром лица.

Внешне комбат был спокоен, а сам думал: что они скажут, как распорядятся своими судьбами. Он ждал их решения, хотя последнее слово было за ним.

Возникла пауза. Нарушил молчание партийный секретарь капитан Олег Хакимов, заместитель комбата по технической части. Он говорил, как всегда, коротко, самую суть. Ночной марш в горах — это, разумеется, риск, но люди все здоровы, на механиков-водителей положиться можно, и техника не подведет. Одни офицеры поддержали его, другие были за то, чтобы ждать рассвета, развести посты, не рисковать. Комбат слушал молча, и его худощавое лицо становилось все строже. Он посмотрел на часы и коротко бросил:

— Солдата жалеть нельзя, солдата беречь надо. Сейчас мы пожалеем себя, а, возможно, утром враг встретит нас свинцом на перевале. Больше времени на раздумья у нас нет. Через четверть часа командирам доложить о готовности к рейду.

* * *

...Каждый офицер знает строки боевого устава о том, что любой командир, независимо от должности, должен действовать смело, без боязни ответственности за рискованное решение, диктуемое обстановкой. Но что порой за этим стоит, дано испытать в полную меру не каждому.

Хабаров уже командовал ротой, когда впервые, пожалуй, всем своим существом ощутил этот момент высшей командирской ответственности за людей, когда ему одному давалось право решать их судьбу.

Однажды на больших учениях с практическим десантированием рота была назначена в группу захвата. От действий разведчиков, их выучки зависел успех всего десанта. Когда самолет с десантом на борту подходил уже к назначенному району, штурман сообщил Хабарову: на площадке ветер с порывами до 10 метров. Что делать?

В памяти Хабарова тотчас же возник тот неудачный прыжок на камни, виделись купола парашютов, носимые ветром. «Вернуться или рискнуть?» — Хабаров оглядел плотные ряды десантников. Их лица, затянутые в десантные шлемофоны, казались непроницаемыми. Конечно же, спокойствие было лишь внешним — парашютный прыжок в горах всегда риск. Да еще с полной боевой выкладкой, в плохую погоду... Спокойно и твердо прозвучала команда Хабарова: «Приготовиться к прыжку!» Рассчитывал не на счастливый случай — на мастерство подчиненных, которых готовил к боям, не жалея ни себя, ни солдат.

Занятия по специальной подготовке в роте начинались так: Хабаров прочеркивал на карте длинную прямую и затем неделями водил подчиненных по этому маршруту. Боеприпасов брали максимум, сухарей и воды — минимум. На неделю — по два сухих пайка. И так с «боями», с засадами, налетами — 200 километров. Это по карте. В горах же, пустыне этот маршрут намного удлинялся.

С особой десантской удалью они доказывали, что неплохо владеют и ледорубом, и автоматом, что им по плечу тактика высокогорного боя. Любимая песня Хабарова постепенно стала любимой всеми десантниками. На привалах они дружно подпевали командиру: «Ты можешь умереть на высоте, но раньше должен на нее взобраться...»

Хабаров со своими десантниками штурмовал один из труднейших для альпинистов пик на Памире высотой более четырех тысяч метров. Сейчас в честь того восхождения вершина в горном атласе названа «Пик ВДВ. Высота 4664 метра». Весь личный состав роты получил знаки «Альпинист СССР».

За то учение в горах, где жестко проверялась специальная подготовка десантников, подразделение под командованием Хабарова заслужило высшую оценку. Всем была объявлена благодарность командующего воздушно-десантными войсками. А вскоре Хабаров стал командовать батальоном. На его погонах появилась еще одна звездочка — звание капитана он получил досрочно.

* * *

След в след, пробивая крошечную тьму и снежные заносы, колонна пятый час петляла по скалистому гребню. Временами жутко было смотреть, как траки БМД*, балансируя на поворотах, рвут лед в сантиметре от пропасти. Но комбат не снижал темп. Он знал: даже небольшая заминка может изменить весь ход этого последнего перед перевалом броска. Вот когда Хабаров с теплотой подумал об офицерах.

Технарем называли за глаза капитана Олега Хакимова, заместителя командира по технической части, как бы подчеркивая его сухость в отношениях с людьми, любовь к технике. Батальонные остряки-офицеры не раз подшучивали: «В каждой роте для потехи существуют зампотехи», когда замечали в парке боевых машин коренастую фигуру уже лысеющего капитана с неизменной ветошью в руках. Хакимов славился тем, что в любое время суток копался в двигателях машин, заставлял командиров рот и взводов еще и еще раз проверять их состояние, чем вызывал у офицеров откровенную неприязнь. Правда, она быстро улетучивалась, когда на учениях БМД работали как часы.

Неутомимый капитан Хакимов за последние сутки марша сильно осунулся: впалые щеки, покрасневшие от стужи глаза. Еще в начале подъема, когда на привале ремонтировали двигатель БМД, Хакимов отморозил руки, озябшие

---

* БМД — боевая машина десанта.

скрюченные пальцы пытался отогреть у радиатора, но после тепла на ветру они еще сильнее мерзли. Идти в штабной фургон обогреться отказался наотрез — шел в замыкании колонны на тягаче. И когда, случалось, барахлил двигатель, соскакивала на поворотах гусеница с катков, зампотех по-прежнему спешил на выручку, мотая на руки ветошь.

Капитан Алексей Хмель, начальник штаба батальона, шел в центре колонны, держал связь с ротами, приданными подразделениями, растянувшимися на десятки километров. Следил за тем, чтоб не возникло затора: остановка даже одной машины могла надолго задержать движение. Когда на крутом подъеме впереди идущей машины захлебнулся двигатель, отказали тормоза и многотонная машина поползла вниз, капитан Хмель, увидев грозящую опасность, не растерялся. Он приказал водителю штабного бронетранспортера не уклоняться от столкновения, принять удар на себя. От сильного толчка его слегка контузило, но экипаж БМД был спасен. Так же самоотверженно, стойко вели себя на марше офицеры Леонид Путятин, Александр Федулин, Юрий Шустов... Этого не могли не заметить подчиненные: солдаты и сержанты. Их заострившиеся лица, посуровевшие взгляды говорили об одном: они готовы вместе с командирами к любым испытаниям. Позже выяснилось: именно в эту метельную декабрьскую ночь, когда разгорелась стычка с душманами на перевале Саланг, комсомольцы Павел Елин, Валерий Харцев вместе с комсоргом батальона Юрием Зобниным написали заявления: «Хочу в бой идти коммунистом...» Совсем так, как когда-то на фронте их отцы и деды...

* * *

...Доклад о том, что вышли на перевал, к туннелю, поступил от боевого разведдозора под командованием неутомимого лейтенанта Кротова на рассвете. Хабаров, отбросив крышку люка, цепким взглядом альпиниста стал

всматриваться в местность. В разрывах снежной пелены мелькали обледенелые нагромождения скал, черной пастью зияли ущелья и трещины. Вот он какой, перевал Саланг! Свирепый ветер, палящее солнце, ледяная стужа веками трудились над его неповторимым обликом. В сплошном хороводе белых вершин Гиндукуша перевал, будто часовой, сторожил ледяное безмолвие. Далеко внизу, в узком извилистом каменистом коридоре, вьется серпантинном лента шоссе. А еще тридцать лет назад дорога, соединяющая через перевал север Афганистана с Кабулом, на протяжении девяти месяцев в году была непроходима.

Новая жизнь Саланга началась в 1956 году, когда стали пробивать высокогорную трассу через перевал. Тогда на помощь афганцам пришли советские строители. Ни одно из западных государств не взялось за ее строительство.

Больше того, проект самого высокогорного в мире туннеля через Саланг вообще был объявлен ими нереальным, неосуществимым. Западных специалистов, очевидно, пугали сами параметры туннеля, который надо было пробить на четырехкилометровой высоте сквозь каменные толщи Гиндукуша. Длина — 2,7 километра, ширина — 6 метров, высота 12 метров. Общая протяженность всей трассы — 108 километров. Несмотря на пессимистические прогнозы, дорога через Саланг была пробита в короткие сроки.

Почти все необходимое для жизни афганцев шло в глубь страны с севера. Горючее, техника, продукты, одежда — миллионы тонн жизненно важных грузов. Этой же дорогой, через Саланг, но в обратную сторону машины везли хлопок, фрукты, ковры — традиционные товары афганского экспорта. Многие годы через перевал шли вереницы машин. Днем и ночью. Вот почему враги Апрельской революции главную ставку делали на захват дороги через Саланг: будет уничтожена дорога — прекратится снабжение Кабула, других городов, провинций. Нет снабжения — нет жизни.

— Все-таки опровергли мы старую афганскую поговорку, утверждающую: «С Гиндукушем не спорят». — Радостный голос капитана Хмеля, подъехавшего на бронетранспортере, отвлек Хабарова от раздумий.

— Не мы первые. Представляешь, каково нашим специалистам было, когда пробивали дорогу через Саланг, — озабоченно ответил Хабаров, раскладывая на броне рабочую карту. — Наша задача — взять под охрану стокилометровый участок дороги. Давай мозговать вместе, где лучше поставить посты, заграждения...

Хабаров с начальником штаба заранее прикинул на карте-километровке, как будет строиться оборона перевала: наметил опорные пункты рот, огневые позиции ар-

тиллерии, предусмотрел маневр подвижным противотанковым резервом, минирование проходов и троп. Но бой в горах редко начинается по заранее разработанному плану. Реальная обстановка, рельеф местности обычно вносят поправку. Хабаров знал это хорошо. И сейчас командирская интуиция на ходу подсказывала ему более целесообразное решение. Вместе с капитаном Хмелем он прикидывал, на какую высоту лучше поднять минометы для поражения «на непростреливаемых» участках, в какой из многочисленных расщелин оборудовать огневые позиции для пулеметчиков, где на фланге расположить роту под командованием старшего лейтенанта Михаила Коновалова, которая должна была пробиться на перевал позже.

Когда эта своеобразная рекогносцировка была завершена, Алексей Хмель мечтательно произнес:

— А знаешь, Леня, о чем вдруг подумал? Здорово было бы через десяток лет приехать в Афганистан по туристической путевке с сыном и дочкой. И обязательно маршрутом через Саланг, на который с таким трудом сегодня забрались. Я бы останавливался везде, где мы делали привалы, где сталкивали в обрывы поврежденные машины, и рассказывал бы детям о нашем заоблачном рейде...

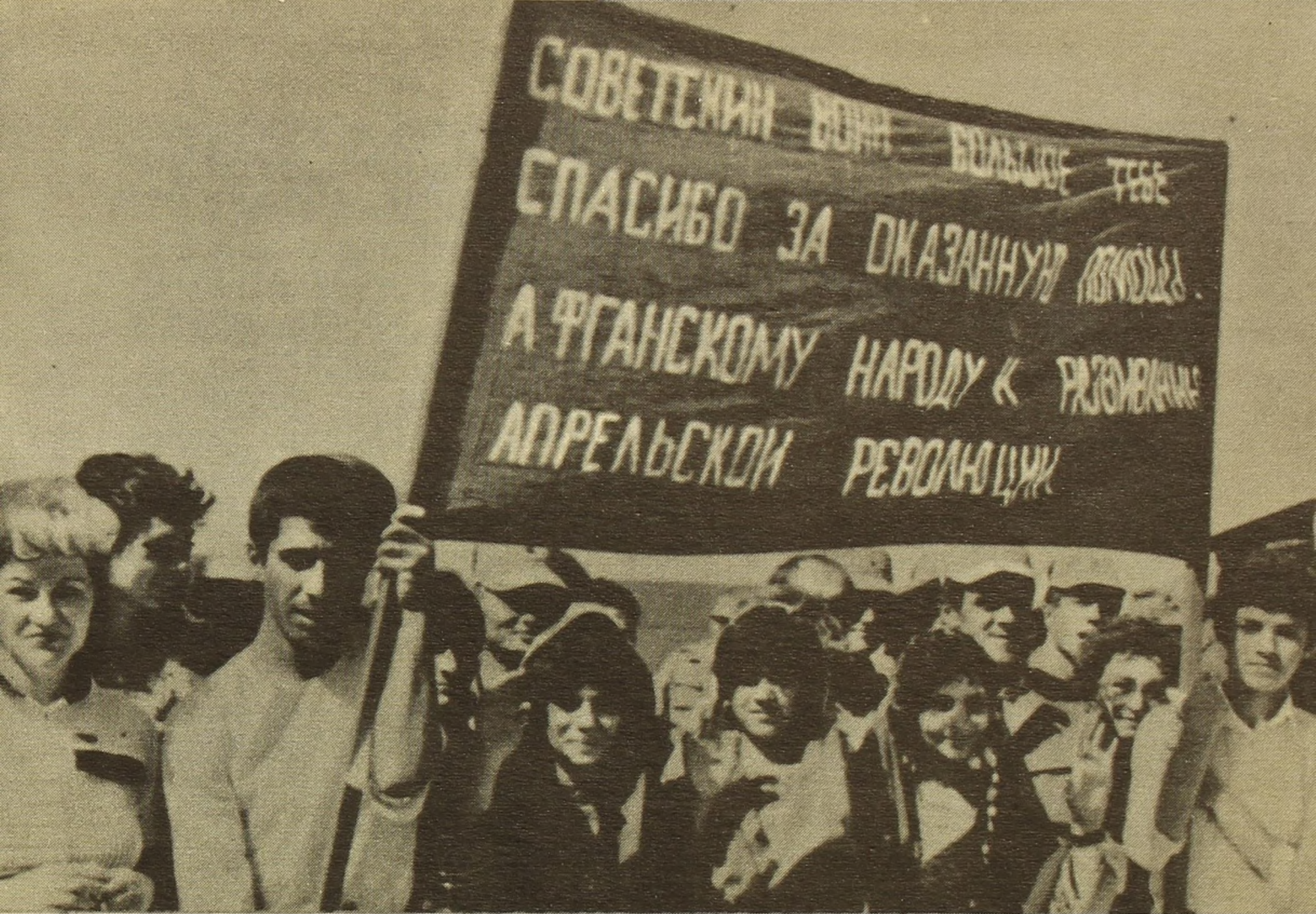
— Для этого сначала тебе надо хотя бы жениться, — пошутил Хабаров. — А еще... выбраться с перевала живым.

Не посчастливилось озорному капитану — москвичу Алексею Хмелю возвратиться с Саланга. Душманская пуля пробила сердце капитана, когда он поднимал десантников в атаку...

* * *

В восьмом часу утра на командный пункт полетел короткий радиосигнал «444», означавший: «Вышел к туннелю Саланга». И почти в то же время в наушниках шле-

мофона Хабаров услышал тревожный голос командира боевого разведдозора лейтенанта Кротова: «Вижу обходящие группы душманов. Принимаю бой...»

Последние слова командира разведдозора заглушил гром — залпом ударили пушки боевых машин десанта, и раскатистое эхо волной покатилося по перевалу.

Вслушиваясь в нарастающий гул боя на противоположном склоне перевала, Хабаров до боли вдавил тангенту * в руку. Ему вдруг нестерпимо захотелось уберечь, остановить Кротова, но это была лишь секундная уступка порыву сердца. Комбат понимал: кроме разведдозора, задержать превосходящие банды душманов, пока батальон будет занимать оборону туннеля, некому. Хабарову вдруг стало трудно дышать, то ли от высоты, то ли от напряжения. Голова, сдавленная шлемофоном, гудела, и он непроизвольно рванул застежку. С трудом подавил минутную слабость, взял себя в руки. Через несколько секунд его спокойный голос уже звенел в эфире и боевые машины десанта веером растекались по седловине...

* * *

Этот первый день на Саланге был самым долгим и трудным. Были потери среди личного состава. В первые же минуты боя от пули снайпера погиб командир боевого разведдозора лейтенант Кротов. Десантники отомстили за смерть командира, посмертно награжденного орденом Ленина.

Позже выяснилось: атаковали десантников душманы при поддержке бронетранспортеров и даже танков. Воспользовавшись замешательством командования одного из афганских подразделений, душманы завладели боевой техникой и даже переманили на свою сторону часть лич-

---

* Т а н г е н т а — переключатель включения (выключения) микрофона радиостанции.

ного состава. Все эти силы и бросили они на захват перевала Саланг. Но это им не удалось.

Три месяца десантно-штурмовой батальон Хабарова держал охрану и оборону Саланга. Три самых студенох и самых горячих месяца, насыщенных огнем, взрывами, свирепыми ураганами, перевал жил, действовал, снабжал ограниченный контингент наших войск, население Кабула всем необходимым. Колонны двигались днем и ночью.

Душманы теперь не шли бездумно в атаки на десантников, а нападали на машины с грузами. Развязали настоящую дорожную войну — минировали дорогу, устраивали обвалы, жгли машины.

...В этот раз подвижный отряд батальона преследовал банду в долине Пяти львов, как называют Панджшерское ущелье. Растянувшись цепочкой, двигались десантники по узкому каньону. Впереди — разведка, за ней — основные силы. Капитан Хабаров шел в центре.

Душманы ударили по разведке в сумерках. Организовав оборону, Хабаров бросился на выручку разведчикам, замкнув огонь на себя. Разрывная пуля выбила ему предплечье, он потерял сознание. На помощь истекающему кровью комбату пришел комсорг батальона старшина Юрий Зобнин. Два километра, отстреливаясь от душманов, он нес на себе Хабарова...

Снежные километры рейда, жаркие схватки на перевале Саланг Хабаров вспомнит потом не раз. С особым чувством волнения вспомнит в госпитале, где лежал с перебитой рукой. Здесь узнал он о досрочном присвоении ему звания майора и награждении высокой государственной наградой — орденом Красного Знамени. Глянет Хабаров на орден и, словно наяву, увидит там, на перевале, обветренных, с обожженными губами бойцов батальона — всех сразу и каждого в отдельности: друга капитана Алексея Хмеля и его дерзость в атаке; отчаянно смелого лейтенанта Кротова, ценой собственной жизни преградившего путь душманам; комсорга старшину Юрия Зобнина, вытащившего его, раненого, из-под огня... Вспомнит блеск ледников, белизну снега на Саланге, который в час боя становился горячим. Совсем как под Сталинградом...

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48